

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ АРХИТЕКТУРЫ И СТРОИТЕЛЬНЫХ НАУК

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

58

Ответственный редактор И. А. Бондаренко

Издание основано в 1951 г.

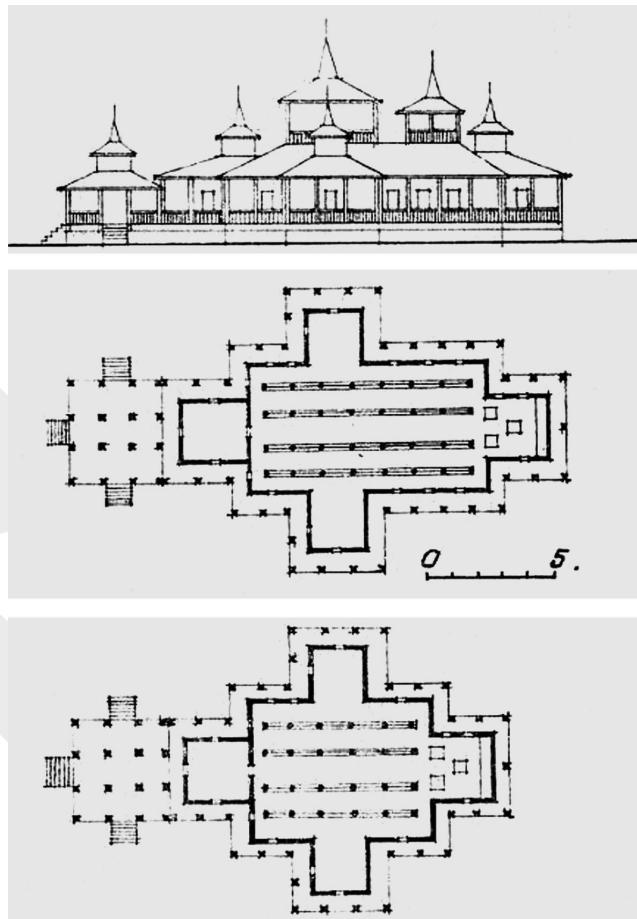
MOCKBA

Л. К. Масиель Санчес

Буддистские храмы Бурятии: от России к Тибету

Ни одна религиозная архитектурная традиция на территории СССР не понесла такого страшного урона, как буддийская. Если количество уничтоженных православных храмов равняется примерно трети, и еще столько же было изуродовано или обращено в руины, то от буддийских региональных традиций осталось не более 10 % построек. Из 19 тувинских хурэ не уцелело ни одного, из калмыцких хурулов (в 1917 г. было 28 больших и 64 малых) остался один (Хошеутовский в Тюменевке, на территории нынешней Астраханской области), из 47 бурятских дацанов в той или иной степени сохранилось 6. Таким образом, при всех потерях бурятская архитектурная традиция оказывается самой сохранной на территории России. Разумеется, немногочисленность ее уцелевших объектов в сочетании с их географической удаленностью и труднодоступностью не способствовала ее активному изучению.

Основные исследования принадлежат архитектору Людвигу Карловичу Минерту (1920–2003), жившему преимущественно в Новосибирске и в 1950–1955 гг. работавшему в столице Бурятии Улан-Удэ. Он опубликовал целый ряд статей и монографию¹, впервые ознакомив научное сообщество со многими сохранившимися и уничтоженными зданиями. В его работах бурятские храмы рассматриваются в широком архитектурном контексте, прослеживается их связь с соседними (русской и восточноазиатскими) традициями. В целом основные выводы и соображения Минерта ценные и сегодня, но общее представление о развитии бурятской архитектуры может быть скорректировано как с методологической, так и с фактологической точки зрения. В первую очередь, Минерт не уделял внимания историческим и антропологическим обстоятельствам создания архитектурных произведений и особенностям средневекового мышления заказчиков и строителей. Кроме того, иконографическая база, на которую он мог опираться, была весьма ограниченной. Лишь в последнее десятилетие были обнаружены и опубликованы многочисленные архивные фотографии практически всех бурятских монастырей². Еще менее доступной была информация об архитектуре других школ ваджрайнского³ буддизма — монгольской и тибетской. Монгольская архитектура была практически полностью уничтожена

Илл. 1. Тамчинский дацан, цогчен-дуган. 1750 г. Реконструкция и планы до и после перестройки начала XIX в. (Воспр. по: Минерт Л. К. Памятники архитектуры Бурятии. С. 97)

в те же годы, что и бурятская: из примерно 1000 монастырей на территории современной Монголии сохранилось не более двух десятков, из исчезнувших изображения лишь наиболее знаменитых были опубликованы в ряде работ советского времени⁴. Обобщающих работ о ней не появилось и после открытия страны для западных и китайских ученых в 1990-е гг. Лучше сохранилась монгольская и тибетская архитектура на территории Китая, но она стала доступной для изучения только в 1980-е гг., и опубликованный материал пока недостаточен для серьезных обобщений⁵.

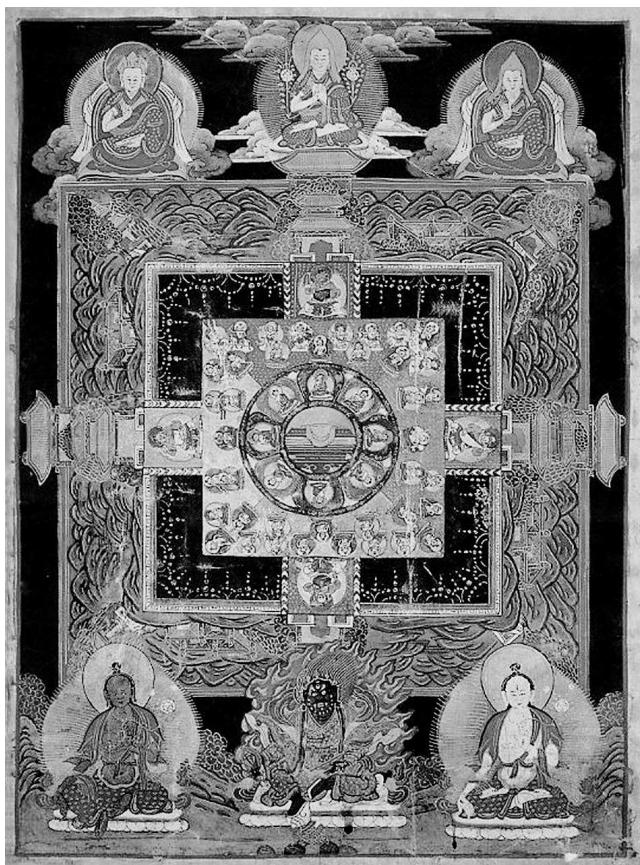
Илл. 2. Тэгэтуйский дацан, цогчен-дуган. 1831 г. Фото 1908 г.

Итак, в последние годы появилась возможность расширить контекст бурятской архитектуры, хотя и в ограниченном степенью изученности сопредельных традиций объеме, что придает предлагаемому исследованию предварительный характер. На основе новых опубликованных изображений в нем выделяются основные этапы развития бурятского храмостроения и определяются их стилистические особенности. Затем, с опорой на анализ обширного зарубежного материала, выявляются конкретные иконографические образцы бурятских построек,лагаются соображения о возможных путях их заимствования и методах воспроизведения.

Буряты — монгольские племена, живущие на территории России. На территорию их обитания — в основном Забайкалье — буддизм в его тибетском варианте проник к середине XVII в., вслед за его принятием в соседней Халха-Монголии в конце XVI в. В середине того же столетия в Забайкалье начали проникать русские переселенцы, и в 1727 г. по Кяхтинскому договору с Китаем владение этими территориями было признано за Россией. В 1741 г. русское правительство признало буддизм и утвердило существование 11 дацанов (монастырей). В 1764 г. было учреждено звание пандита-хамбо-ламы как буддистского главы монгольских племен на территории России — в отличие от бодго-гээнга, главы монголов Цинской империи. В 1853 г. было утверждено «Положение о ламайском духовенстве в Восточной Сибири», запретившее, в частности, строительство новых дацанов; на тот момент их существовало 34. Несмотря на это, буддизм продолжал активно развиваться и распространяться, особенно после Манифеста 1905 г. о свободе вероисповедания. Нормальное развитие было прервано последовавшей за революцией 1917 г. волной государственных преследований, начавшихся в конце 1920-х гг. К 1940 г. буддистское духовенство было уничтоже-

но (около 2000 лам расстреляно, остальные посажены в тюрьмы или оставили сан), а большая часть храмов разрушена. Из существовавших в 1923 г. 47 дацанов к началу 1990-х гг. только три сохранили отдельные постройки (Тамчинский, или Гусиноозерский⁶, Агинский⁷ и Цугольский⁸), еще в трех были руинированные постройки (в Агинском⁹, Алагатском¹⁰ и Семиозерском¹¹ дацанах). После 1945 г. было открыто два дацана (Агинский и новый, Иволгинский¹²), но нормальное развитие буддизма возобновилось лишь в 1990-е гг.: почти все дацаны начали восстанавливаться.

Первоначально в Бурятии, как и в Монголии, в качестве храмов использовались войлочные юрты. Первые стационарные деревянные храмы были построены в дацанах, ставших затем резиденциями пандита-хамбо-ламы: Цонгольском¹³ (1764–1809) и Тамчинском (1783–1932). Деревянный храм в Цонгольском дацане был возведен в 1745 г., в 1750-е гг. был построен цогчен-дуган (главный храм), в 1760–1766 гг. он был заменен новым, просуществовавшим до 1908 г.; цогчен-дуган в Тамчинском дацане был построен в 1750 г. (илл. 1). Первые храмы принадлежали к одному типу. Они представляли собой квадратный в плане многоколонный зал с пристройками с четырех сторон: через западную осуществлялся вход, в восточной хранились священные изображения. Над залом и каждой из пристроек возвышалась надстройка с пирамидальными кровлями с изломом. В надстройке над главным залом помещалось святилище сахюусана (гения-хранителя), остальные были декоративными. Вокруг всего здания шла открытая обходная галерея. Вход осуществлялся через южное крыльцо с лестницами на три стороны. В цогчен-дугане Цонгольского дацана (общая площадь 25×25 м) центральный квадрат (17×17 м) был намного крупнее боковых, внутреннее пространство разделялось 6 рядами ко-

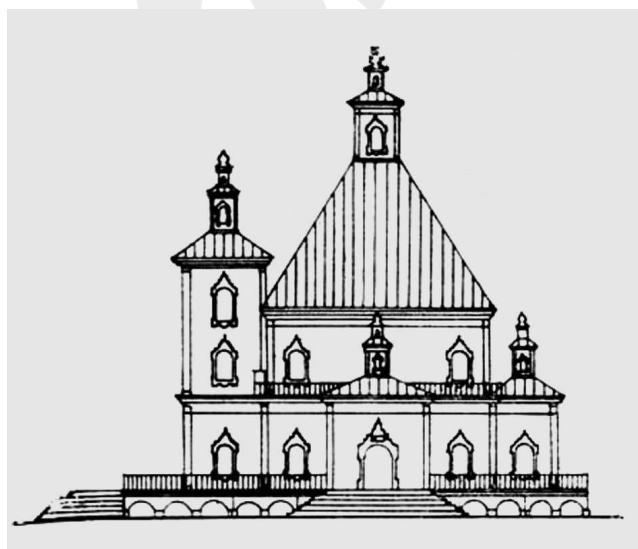
Илл. 3. Мандала, Бурятия. XIX в. (Воспр. по: Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье. С. 175)

лонн. Цогчен-дуган Тамчинского дацана был меньше и имел внутри 4 ряда колонн. Многочисленные цогчен-дуганы 1760–1840-х гг. были сходного типа и часто точно повторяли первые образцы, как в Ацайском¹⁴ (1786) и Гэгэтуйском¹⁵ (1831, илл. 2) дацанах. Иногда подчеркивалась продольная ось — когда основной объем был прямоугольным в плане (таким способом между 1790 и 1820 гг. был перестроен цогчен-дуган Тамчинского дацана), или не делались пристройки с запада и востока, как в Ацагатском (1825) и Цолгинском¹⁶ (1831) дацанах. Иногда, напротив, усиливалось значение центрального объема, и для этого убирались боковые надстройки, например в Кижингинском дацане¹⁷ (1782).

Л. К. Минерт отмечает¹⁸, что на создателей первых бурятских деревянных стационарных храмов оказали влияние: 1) сакральные образцы из книг, 2) храмы остальной Монголии и Тибета, 3) русское церковное зодчество. Поскольку в Монголии и Тибете не было «образца здания, который бы соответствовал представлениям бурятского духовенства об идеальном ламаистском храме и был бы возможен к осуществлению в местных условиях», за основу были взяты тибетские и монгольские мандалы — сакральные геометризированные схемы Вселенной

с изображениями божеств и их обителей (илл. 3). Изображенные на мандалах порталы, как бы положенные на плоскость, были, вероятно, осмыслены строителями как отдельные объемы, и в результате получились крестообразные здания. Такая версия вполне оправданна, но нельзя недооценивать и влияние конкретных тибетских образцов. Ведь заказчики Тамчинского и Цонгольского дуганов ламы Жамба Ахалдаев и Дамба Даржа Заяев — в отличие от самого Минерта — имели и осуществили возможность побывать в Тибете и лично увидеть прославленные монастыри и святыни¹⁹. Кроме того, в Бурятии были хорошо известны и многочисленные более или менее правдоподобные изображения прославленных тибетских монастырей. По свидетельству академика П. А. Палласа (1772), цогчен-дуган Цонгольского дацана хотя и строился русскими плотниками, но проект принадлежал хамбламе, велевшему подражать манере строительства и украшению тибетских храмов²⁰. О том, что храм в Тамчинском дацане был «в тибетском вкусе», пишет и И. Сиверс (1790)²¹.

Хотя упомянутые цогчен-дуганы получили посвящения в честь крупнейших монастырей школы гелуг — Дрепунг (монг. Брайбун) и Ганден (монг. Галдан), расположенных близ Лхасы²², конкретным образцом для них послужил, судя по их архитектурным формам, еще один великий монастырь школы гелуг — Лабранг (монг. Лавран)²³ в исторической области Амдо²⁴, наиболее близкой к монгольским землям. Из-за специфики русского плотницкого искусства формы образца были повторены очень условно. Поэтому эти бурятские храмы намного меньше напоминают тибетский Лабранг, чем, скажем, построенный по его образцу на руинах древней монгольской столицы Каракорума каменный храм

Илл. 4. Агинский дацан, цогчен-дуган. 1806–1808 гг. (Воспр. по: Минерт Л. К. Памятники архитектуры Бурятии. С. 137)

Илл. 5. Одигитриевская церковь в Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ). 1741–1785 гг. Открытка начала XX в.

Лабранг монастыря Эрдэнэ-Зуу²⁵ (1784–1792). Бурятские деревянные храмы повторили две главных иконографических черты Лабранга — крестообразную форму и размещение гонхона (башни) над центром храма. То, что бурятские храмы были очень низкими, кажется вполне естественным для народа, привыкшего к строительству юрт; в Халхе это отразилось в постройке юртообразных монастырских зданий типа главного храма Да-Хурээ (1654), предшественника современного Улан-Батора. Обходные галереи позаимствованы, скорее всего, не из тибетской, а из китайской архитектуры, для которой они были характерны. Посредником в этом могли выступать хорошо известные бурятам «императорские» (основанные на средства китайских императоров) монастыри Монголии, такие, например, как Амар-Баяс-Галант (1723–1735) на р. Селенге на севере Монголии. Формы бурятских пирамидальных кровель с изломом отражают повсеместно распространенные формы загнутых китайских кровель. Что касается декоративных завершений над боковыми частями, то они, по-видимому, как считает Минерт, действительно возникли как ориентация на приделы русских храмов с их отдельными главками. Но трактовать это в данном случае уместнее не как подражание, а как соревнование с храмами другой религии²⁶. Таким образом, уже в первых

бурятских постройках проявляется общая ориентация на тибетскую архитектуру, сочетающаяся с заимствованием отдельных форм и технических приемов в зодчестве соседних народов — русских, халха-монголов, китайцев.

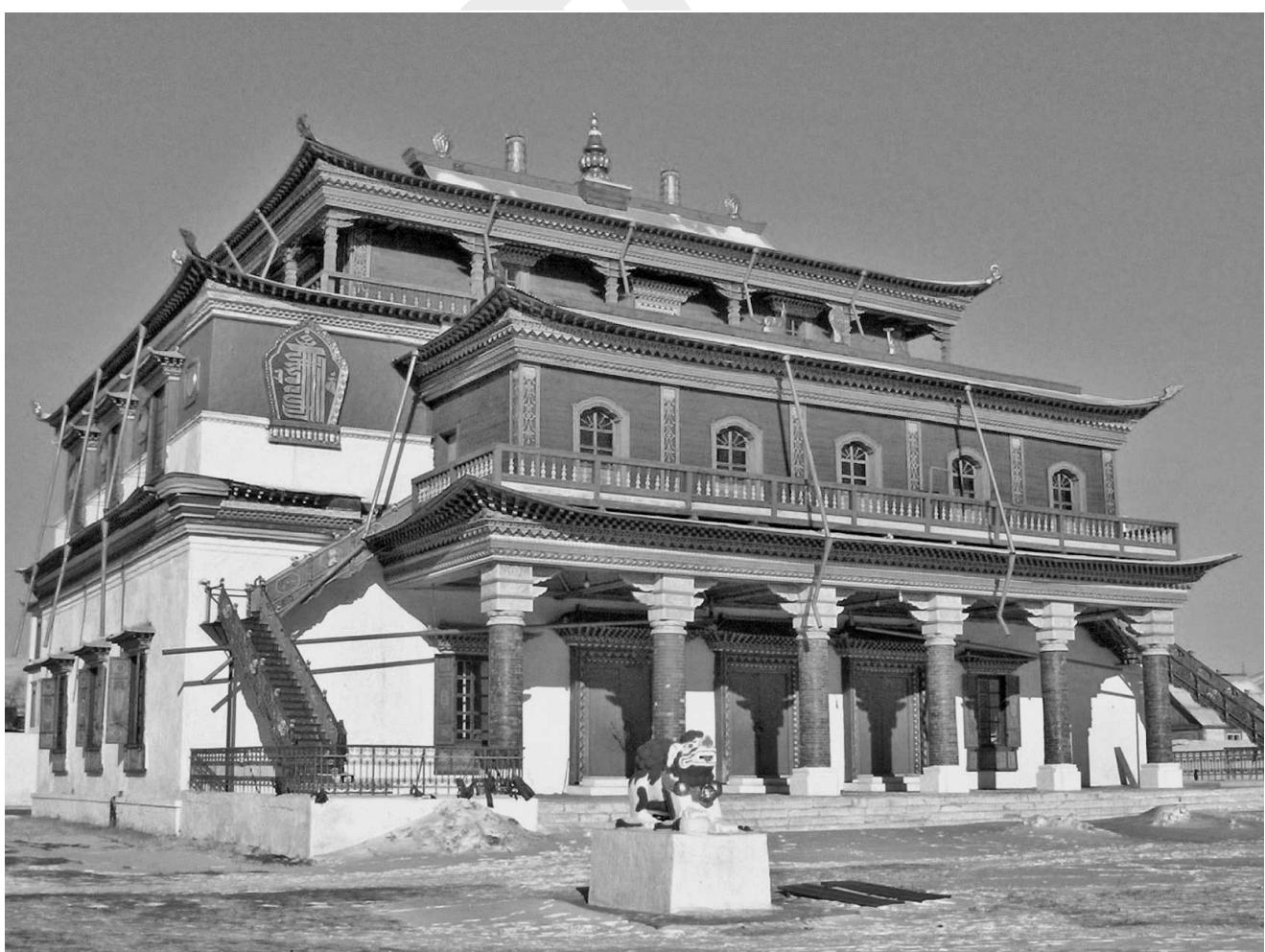
Определяющим влияние русских традиций оказывается в ранних каменных постройках бурят, первой из которых был цогчен-дуган Агинского дацана (1806–1808, илл. 4). Крестообразная композиция деревянных бурятских храмов развита здесь по вертикали. Второй этаж был того же размера, что первый, его обширный объем (11×11 м) был перекрыт каменным сводом высотой более 10 м! Минерт реконструирует его как шатер, хотя эта форма не употреблялась для перекрытий храмов в русской архитектуре с конца XVII в. Представляется, что, скорее, свод имел выгнутые очертания и был уподоблен первому на бурятских землях русскому каменному храму — церкви Богоматери Одигитрии (1741–1785) в Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ), имеющей уникальные для русской архитектуры каменные своды, не покрытые кровлей²⁷ (илл. 5). Изображений свода цогчен-дугана нет, так как он был разобран после землетрясения 1862 г., когда в нем появились трещины. Его вид можно реконструировать по кровле второго бурятского каменного храма, цогчен-дугана Агинского дацана

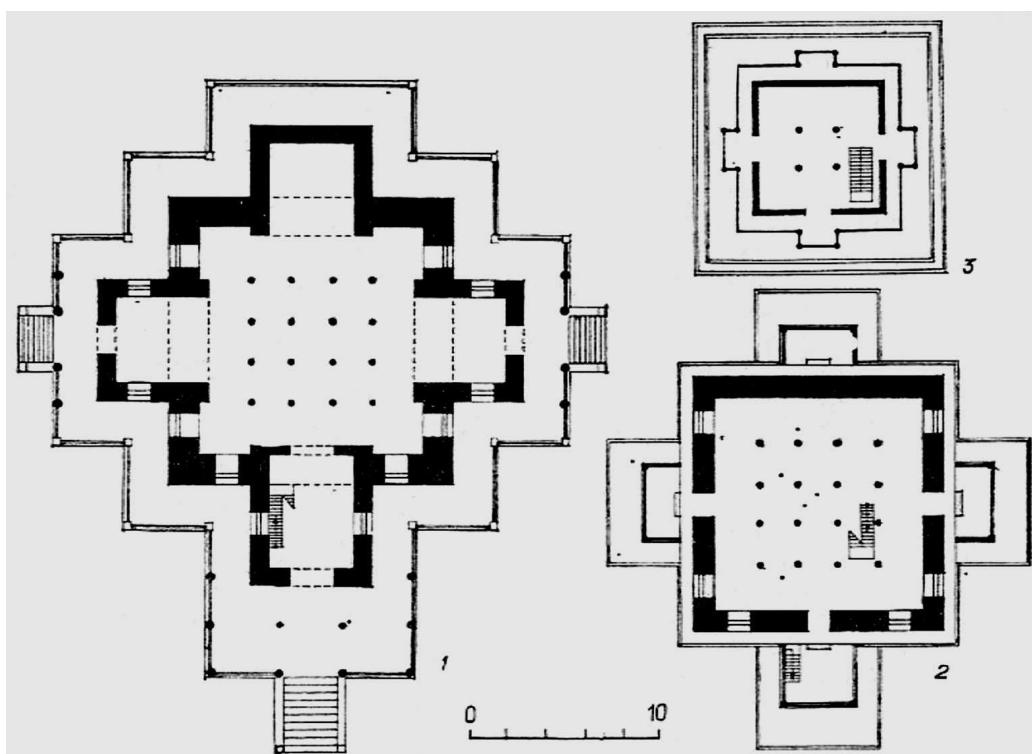
Илл. 6. Агинский дацан, цогчен-дуган (затем Деважин-сумэ). 1811–1816 гг.
Фото конца XIX в.

Илл. 7. Тамчинский дацан, цогчен-дуган. 1859–1870 гг.
Открытка начала XX в.

Илл. 8. Цугольский дацан, цогчен-дуган. 1865–1868, 1887–1889 гг. Фото 2009 г.

Илл. 9. Агинский дацан, цогчен-дуган после реконструкции 1865–1870 гг.
Планы трех этажей (Воспр. по: Минерт Л. К. Памятники архитектуры Бурятии. С. 138)

(1811–1816, илл. 6), учитывая ее вероятную перестройку после пожара 1895 г. Уникальной чертой обоих каменных цогчен-дуганов было и увеличение южной пристройки до высоты основного объема, что уподобляло ее колокольням русских храмов.

Новый этап развития бурятской архитектуры начался с середины XIX в. Определяющей чертой архитектуры этого времени является, на наш взгляд, ее окончательное вхождение в буддистскую традицию. Этот подход отражает новый этап развития бурятского буддизма, рост знаний и непосредственных контактов лам с Тибетом. Изменению архитектуры храмов способствовал и ряд конкретных обстоятельств. Во-первых, окончательно сформировался круг мастеров-бурят, и почти отпала необходимость обращаться к русским. Во-вторых, началось широкое строительство каменных зданий, которые было проще уподоблять каменным тибетским образцам. Импульс каменному строительству во многом дало «Положение» 1853 г., запретившее строительство новых дацанов, но разрешившее ремонт и расширение старых. Растущие финансовые средства не распылялись, таким образом, на мелкие постройки, но направлялись на строительство вместительных монументальных каменных храмов. В-третьих, деревянные многоглавые храмы устарели не только морально (как совсем не похожие на тибетские и монгольские — с более искушенной, чем ранее, точки зрения), но и физически. Стали оче-

Илл. 10. Агинский дацан, цогчен-дуган после реконструкции 1865–1870 гг. Фото около 1885 г.

видны изъяны их конструкции — неудобство отопления из-за большой поверхности стен и уязвимость для воды из-за сложной конфигурации кровель²⁸.

Особенности нового типа храма — трехъярусного — были артикулированы в трех постройках. Первым зданием этого типа стал новый цогчен-дуган Тамчинского дацана (1859–1870, илл. 7). В плане он

Илл. 11. Монастырь Цангва-гомпа. Фото 2007 г.

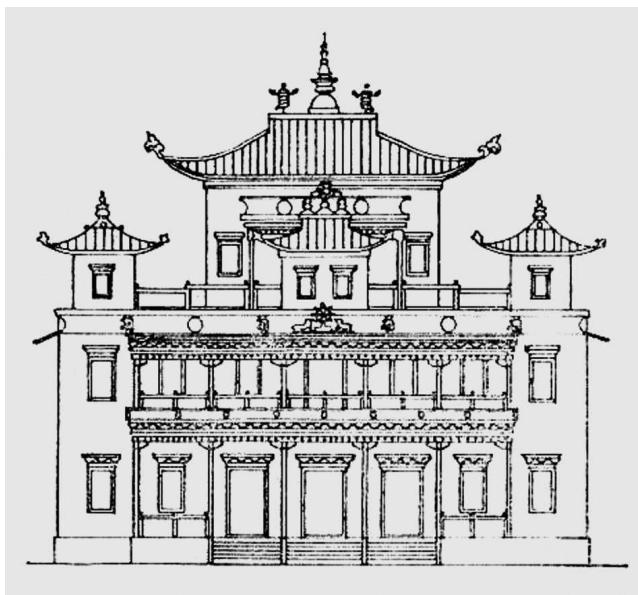
почти квадратный. Первый этаж построен из кирпича, над ним возвышаются два уменьшающихся верхних этажа с портиками. Специфичен каменный портик нижнего этажа, закрытый боковыми стенами и снабженный 6 колоннами с неодинаковыми расстояниями и 3 лестницами между ними. Его форма, не предусмотренная в проекте и не получившая дальнейшего развития, создана в результате работы бурят под руководством русского мастера Воронина из Селенгинска. Светлый нижний этаж цогчен-дугана завершен темным фризом по образцу храмов Тибета. Крыши — с высоко поднятыми краями, китайского типа. Несколько иной характер носят почти идентичные цогчен-дуганы в Цугольском (1865–1868, построен заново в 1887–1889, илл. 8) и Агинском (1886) дацанах; в последнем это был второй цогчен-дуган, при этом старый был сохранен. Два нижних этажа соединились в этих композициях в один двухэтажный каменный объем, растянутый по ширине. Верхний ярус портика сделан закрытым, вокруг верхнего этажа устроен обход. Третий вариант нового типа храма возник при перестройке каменного цогчен-дугана в Ачинском дацане (1865–1870, илл. 10 и 9). Был разобран покрывшийся трещинами шатер и «колокольня», верх надстроен еще одним деревянным этажом, каждый из боковых объемов получил открытую надстройку, крыши — китайское завершение. Таким образом, возникло здание с ярким пирамидальным уменьшением объемов. Все дальнейшие храмы до 1900-х гг. были либо близкими повторениями первых, либо их «редуцированными» на один-два этажа вариантами (обычно — малые храмы дацанов, но могли быть и цогчен-дуганы, как в Хужиртайском дацане²⁹ (1897)), либо соединяли черты разных типов.

Нужно отметить и отчетливо проявлявшиеся региональные черты, не отмеченные исследователями. Так, формы Тамчинского дацана были — с усилением пирамидальности — повторены в соседнем Иройском³⁰ (1905–1907): здание получило обходные галереи вокруг верхних этажей и сильно углубленный портик. Цогчен-дуган Бырцуйского (Бурцуевского) дацана³¹ (1880) был построен по образцу соседних Агинского и Цугольского, но также с усилением пирамидального акцента. Непосредственно под влиянием форм цогчен-дугана Ачинского дацана были построены цогчен-дуган Баргузинского дацана³² (1881–1886) и дуган в Чите (1898–1899).

Основные восточноазиатские черты нового типа храма охарактеризованы уже Минертом. Увеличения размера по главному фасаду он справедливо сопоставляет с кругом китайских построек в Монголии, а китайские легкие крыши считает пришедшими из Монголии и Тибета. Как уникальную бурятскую черту Минерт отмечает пирамидальность объемного построения, по его мнению, уподобляющую храм мандале. Пирамидальность обеспечивалась устройством трех полноценных этажей (второй использовался как малый храм, верхний, гонхон, — как святилище сахюусана) и пустых межэтажных пространств³³. Действительно, в отличие от Бурятии в Монголии были распространены в основном одно- и двухэтажные здания с высокими и растянутыми в длину китайскими кровлями, подчеркивавшими горизонтальный акцент. Трехъярусные храмы, такие как Чжар-дацан в монастыре Заян-хурээ в Цэцэрлэгэ (начало XX в.?) или в монастыре Ганден в Урге (ныне Улан-Батор) (1913), исключительно редки и возникли заметно позже аналогичных бурятских. Однако вертикализированные формы не так просто объяснить влиянием двухмерных изображений. Более вероятными представляются чисто архитектурные гипотезы.

Илл. 12. Цонгол, цогчен-дуган. 1912–1914 гг.
Фото начала XX в.

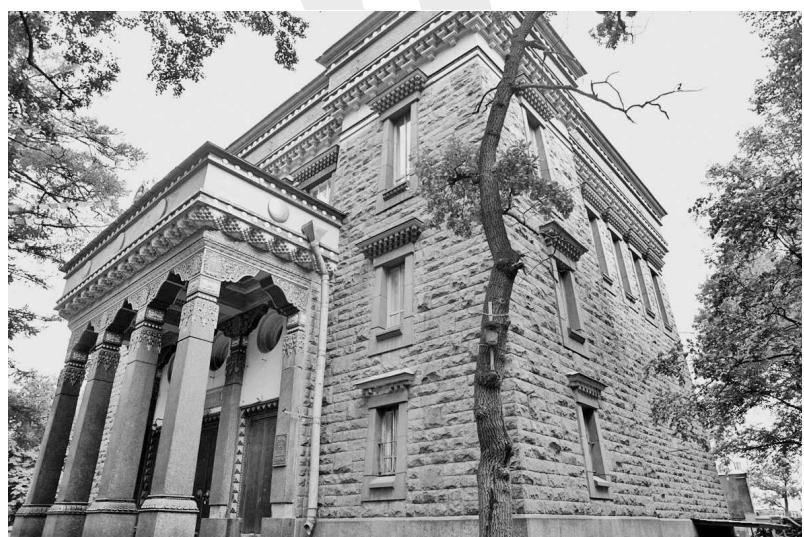
Илл. 13. Цонгол, цогчен-дуган. 1912–1914 гг. Проект фасада (Воспр. по: Минерт Л. К. Памятники архитектуры Бурятии. С. 176)

Одна из них — уже упоминавшееся «соревнование» с вертикализированными формами забайкальских православных храмов. Весьма вероятной представляется и другая версия, учитываяшая переориентацию бурятского зодчества на буддистскую традицию, — влияние зодчества тибетских исторических провинций Амдо и особенно Кхам³⁴. Здесь традиционные тибетские формы были соединены с китайскими, и именно здесь есть ряд храмов, удивительно напоминающих бурятские. В архитектуре Амдо и Кхама царят загнутые китайские крыши, храмы имеют открытые портики без традиционных для центрального Тибета ризалитов. Храмы двухэтажные, но усложненный профиль крыши часто создает иллюзию трехэтажного объема — например, в храме монастыря Тхубтенгомпа³⁵. Как и везде в Тибете, основные объемы могут быть многоярусными (но не многоэтажными), но здесь даже над портиками возводится закрытый второй этаж, как, например, в Цангвагомпа в Дзантханге³⁶ (илл. 11). Любопытно, что здесь есть даже пирамидальные трехъярусные структуры с портиками со всех сторон — Цагри-гомпа и другие храмы близ Банма³⁷. Разумеется, речь может идти о простом изоморфизме. Предлагаемая гипотеза может быть обоснована лишь в результате исследования бурятско-тибетских связей и лишь после того, когда появятся наконец подробные работы об этапах и формах развития архитектуры Тибета.

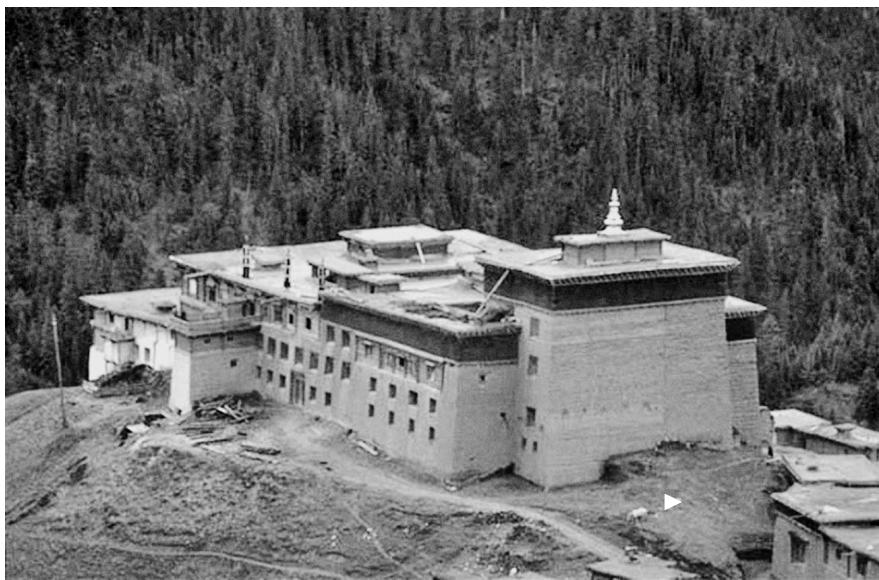
Бурятская архитектура начала XX в. известна хуже всего, так как многие по-

стройки были разрушены вскоре после сооружения. При этом есть сведения о том, что строительство храмов велось очень активно. Даже небольшой известный круг памятников позволяет выделить период примерно после 1910 г. как новый этап развития бурятской традиционной архитектуры, который можно охарактеризовать как ориентацию на точное цитирование отдельных форм образцов — как правило, тибетских — либо их воспроизведение целиком. В 1912–1914 гг. в Цонгольском дацане, перенесенном на новое место, был построен один из крупнейших в Бурятии цогчен-дуганов (30×30 м и портик глубиной 8 м). Строители решили сохранить главную иконографическую черту предшествующего монастырского цогчен-дугана, одного из первых деревянных бурятских храмов, — пятичастное завершение (илл. 12, 13). Однако сами формы храма обрели совсем иное звучание. Он, следуя местным традициям второй половины XIX в., имеет двухэтажную каменную основу, открытый деревянный портик (в уникальном двухъярусном варианте), изогнутые китайские крыши в завершении. Благодаря этим формам ориентирующийся на раннюю бурятскую модель храм неожиданно и, возможно, умышленно приобрел сходство с храмом древнейшего буддистского монастыря Самье в центральной тибетской провинции Цанг³⁸. По описаниям ряда храмов Бурятии начала XX в. можно предположить, что почитаемые монастыри Центрального Тибета выходят на первый план как образцы для копирования.

Созвучным этой тенденции было строительство буддистского храма в Петербурге (1908–1915, арх. Г. В. Барановский, илл. 14), возведенного по инициативе ученого, бурятского ламы Агвана Лобсана Доржиева (1853–1938), бывшего влиятельным

Илл. 14. Буддийский храм в Санкт-Петербурге. 1909–1915 гг. Фото автора, 2008 г.

Илл. 15. Монастырь Пальпунг. Современное фото

приближенным Далай-ламы XIII. Этот храм интерпретировал в формах популярного тогда в столице финского югендстиля классический образ тибетского храма, такого как, например, храмы монастырей Пелкор-Чёде в Гьянгдзе³⁹ и Пальпунг близ Деге⁴⁰ (илл. 15). Храм не имеет не только китайских крыш, но вообще видимой кровли. Его объем растянут в глубину, фасад фланкирован двумя башнеобразными выступами, с севера примыкает повышенный объем башни-гонкана. При этом все его фасады облицованы натуральным необработанным камнем, что совершенно нехарактерно для оштукатуренной и ярко раскрашенной тибетской архитектуры. Таким образом, архитектура этого храма отражает характерный для архитектуры модерна поиск национального стиля; примечательной параллелью может служить Троицкая церковь в Верхних Кутурештах в Молдавии (1912–1916, арх. А. В. Щусев), конструирующая, по моему мнению, националь-

ный румынский стиль, для которого характерны исключительно кирпичные, часто оштукатуренные здания, с помощью близкой финскому национально-романтическому модерну облицовки из необработанного камня. Как пример здания, на которое буддистский храм в Петербурге мог оказать влияние, нужно упомянуть проект⁴¹ неизвестного деревянного храма для Верхоленского уезда, места проживания прибайкальских бурят, — оставшийся, по-видимому, невыполненным.

Итак, проведенный анализ позволяет выделить три этапа развития буддистской архитектуры Бурятии. Первый этап — 1750–1840-е гг. Иконография ориентировалась на Тибет — символические образы мандал, условно реалистические изображения тибетских святынь. Архитектурные формы при этом сочетали русские приемы и элементы с отдельными заимствованиями из строительного опыта соседней Халха-Монголии. Второй этап — 1850–1890-е гг. Бурятские строители все дальше отходят от русского наследия, их постройки становятся частью буддистской дальневосточной традиции. Соединяя тибетские и китайские черты, они приобретают все больше сходства не только с монгольскими, но и с восточнотибетскими постройками. Вопрос о том, брались ли последние за образцы, или это сходство случайно, пока открыт. Третий этап — 1900–1920-е гг., пока хуже всего документированный. Развитие историчности мышления заставляет в этот период сознательно обращаться как к собственной старой традиции, так и к прославленным тибетским образцам, точно воспроизводя их иконографию и отдельные формы.

Примечания

- ¹ Минерт Л. К. Памятники архитектуры Бурятии. Новосибирск, 1983.
- ² В первую очередь в огромном альбоме-сборнике: Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье. М., 2008.
- ³ Ваджраяна (тантический буддизм) — одно из основных направлений буддизма наряду с махаяной и хинаяной (по другой классификации причисляемое к махаяне).
- ⁴ См., например: Майдар Д. Архитектура и градостроительство Монголии. М., 1971.
- ⁵ Среди фундаментальных публикаций следует отметить каталоги Андреаса Грушке (A. Gruschke) под общим названием *The Cultural Monuments of Tibet's Outer Provinces*. Два первых тома (Бангкок, 2001) посвящены области Амдо, три последующих (из которых пока

вышло два: Бангкок, 2004, 2007) — области Кхам. Монгольской архитектуре Китая посвящена замечательная книга: *Charleux I. Temples et monastères de Mongolie-intérieure*. Paris, 2006.

- ⁶ Гусиноозерск, центр Селенгинского района РБ.
- ⁷ Одноименный райцентр ЗБК (до 2008 г. — столица АБАО).
- ⁸ Могойтуйский район ЗБК (до 2008 г. АБАО).
- ⁹ Хоринский район РБ. Руины сохранились до настоящего времени.
- ¹⁰ Заиграевский район РБ. Полностью восстановлен.
- ¹¹ Красночикойский район ЗБК. Сейчас представляет собой бесформенные груды кирпичей.
- ¹² Верхняя Иволга Иволгинского района РБ.

- ¹³ Кяхтинский район РБ. Второе название дацана — Хилгантуйский, после перенесения в 1908 г. на новое место — также Мурочинский.
- ¹⁴ Селенгинский район РБ.
- ¹⁵ Джидинский район РБ.
- ¹⁶ Мухоршибирский район РБ.
- ¹⁷ Одноименный район РБ.
- ¹⁸ Минерт Л.К. Указ. соч. С. 151–156.
- ¹⁹ Летописи хоринских бурят. Хроники Тугулдур Тобоева и Вандана Юмсунова. М.; Л., 1940. С. 22, 49.
- ²⁰ Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Т. 2. SPb., 1801. S. 147–148.
- ²¹ Sievers J. Briefe aus Sibirien. SPb., 1796. S. 26–29.
- ²² Ныне столица Тибетского АР Китая.
- ²³ Близ современного Сяхэ в Ганьнань-Тибетском АО провинции Ганьсу, Китай.
- ²⁴ Примерно соответствует современной китайской провинции Цинхай.
- ²⁵ Близ современного Харахорина в Уверхангайском аймаке Монголии.
- ²⁶ Довольно скоро это соревнование было выиграно. Ко второй половине XIX в., когда бурятское зодчество достигло расцвета, сами православные миссионеры отмечают «убогость православных церквей по сравнению с дацанами» (Минерт Л.К. Указ. соч. С. 189).
- ²⁷ О ней см.: Православные каменные храмы Западного Забайкалья XVIII – первой половины XIX в. История региональной традиции // Памятники русской архитектуры и монументального искусства XVI–XX вв. Вып. 7. М., 2005. С. 178–207.
- ²⁸ Минерт Л.К. Указ. соч. С. 159.
- ²⁹ Ононкий район ЗБК.
- ³⁰ Селенгинский район РБ.
- ³¹ Кыринский район ЗБК.
- ³² В одноименном райцентре РБ.
- ³³ Минерт Л.К. Указ. соч. С. 166–168.
- ³⁴ Соответствует восточным районам Тибетского АР, западной части провинции Сычуань и северной — Юньнань.
- ³⁵ Гардзе-Тибетский АО провинции Сычуань.
- ³⁶ Гардзе-Тибетский АО провинции Сычуань.
- ³⁷ Голог-Тибетский АО провинции Цинхай.
- ³⁸ Округ Шаньнань Тибетского АР Китая.
- ³⁹ Округ Шигадзе Тибетского АР Китая.
- ⁴⁰ Гардзе-Тибетский АО провинции Сычуань.
- ⁴¹ Хранится в Российском государственном историческом архиве (РГИА, Санкт-Петербург), опубликован Минертом (Минерт Л.К. Указ. соч. С. 75).

Масиель Санчес Лев Карлосович:

кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник НИИТИАГ РААСН
E-mail: leomacie1@mail.ru

Ключевые слова: **буддизм, буряты, дацан, Монголия, образец, Тибет, традиция.**

L. C. Maciel Sanchez

Buddhist Temples of Buryatia: from Russia to Tibet

The paper offers a periodization of the Buryat Buddhist architecture and characterizes its different stages. In 1750–1850 the iconography was influenced by Tibet — symbolical images of mandalas, conventionally realistic representations of Tibetan sacred places. At the same time the architectural forms combined Russian techniques and features with some elements of construction practice in neighboring Khalkha-Mongolia. In 1850–1900 Buryat builders begin to move further away from Russian heritage, their works becoming more a part of the Buddhist far-eastern tradition. Combining traits coming from Tibet and China, they increasingly start to resemble not only Mongolian, but east Tibetan architecture. Finally, in 1900–1930, the development of historical mentality stimulates a new conscious approach, involving both respect for one's own old traditions and inspiration driven from famous Tibetan models, when their iconography and specific forms are being accurately reproduced.

Keywords: **Buddhism, Buryats, Datsan, Mongolia, model, Tibet, tradition.**

Содержание

<i>I. A. Бондаренко</i> Средневековые карты мира и символика древнерусского храма	5
<i>H. H. Никитенко</i> Крещальня Софии Киевской: к проблеме функционального назначения и датировки	15
<i>A. Г. Носкова</i> «Древний» деревянный Петропавловский собор в Повенце и его аналоги	31
<i>A. B. Орлов</i> Развитие функционально-планировочной структуры часовен Заонежья во второй половине XVII – начале XX века	43
<i>B. M. Неделин</i> Мценск в XII – начале XX века. Архитектура и градостроительство	56
<i>P. Ф. Алитова, Т. Л. Никитина</i> Формирование и развитие иконографии Ростова Великого в XVIII–XIX веках	83
<i>L. K. Масиель Санчес</i> Буддистские храмы Бурятии: от России к Тибету	94
<i>D. С. Шемелина</i> Инструкция 1760 года графа П. И. Шувалова: комплекс архивных документов о крепостях «европейского типа» в Восточной Сибири	104
<i>C. В. Клименко</i> Архитектурная программа коронации императрицы Елизаветы Петровны 1742 года и Москва эпохи барокко	123
<i>Ю. Г. Клименко</i> Об интерпретации одностолпных помещений в архитектуре русского классицизма	135
<i>C. Б. Юрченко</i> Об атрибуции Воскресенской церкви в Батурине	149
<i>C. M. Царёва</i> Гравюры с произведений Ангелики Кауфман как источник сюжетов и композиций архитектурного декора Москвы конца XVIII – первой трети XIX века	159
<i>M. H. Микишатьев</i> Архитектор Александр Брюллов. Особенности формообразования в творчестве архитектора первого этапа эклектизма	169
<i>G. X. Самигулов, Н. Н. Митина, А. В. Дружинина</i> Утраченное наследие: церковь Архистратига Михаила в Троицке	192

Редакционная коллегия:

И. А. Бондаренко (ответственный редактор), А. Б. Бодэ, М. В. Вдовиченко (зам. отв. редактора),
А. Ю. Казарян, Ю. Л. Косенкова, С. С. Левошко, В. Г. Лисовский, М. Г. Меерович, М. Б. Михайлова,
М. В. Нащокина, Г. А. Птичникова, Вл. В. Седов, Д. О. Швидковский, А. С. Щенков

Архитектурное наследство. Вып. 58 / Отв. ред. И. А. Бондаренко. — М.: Книжный дом
«ЛИБРОКОМ», 2013. — 304 с.

В настоящем сборнике представлены материалы новых исследований по архитектуре и градостроительству. Рассматривается история создания малоизвестных памятников, развитие региональных архитектурных традиций, выявляются новые атрибуции, привлекаются ранее неизвестные архивные источники. Ряд статей посвящен вопросам архитектурно-планировочного развития исторических городов, формирования ансамблей. Также освещаются теоретические историко-архитектурные проблемы, биографии архитекторов, творческие методы и концепции.

Издание предназначено архитекторам, искусствоведам, историкам и всем, кто интересуется историей архитектуры.

The present collection of works includes new research on architecture and urban planning of Russia. The authors look into the history of the creation of presently little known, but significant constructions, into the development of regional architectural traditions, coming forward with new theories regarding the identification of the architects and uncovering various archive materials. Certain papers are dedicated to the development of architecture and construction of historical towns and cities, and to the formation of their urban ensemble. Others — to theoretical issues, regarding history and architecture, to biographies of some of the masters, to creative approaches and concepts.

This book may be useful to architects, art historians and to all those interested in the history of Russian architecture.

Сборник включает материалы научной конференции «Архитектурное наследство», проведенной при поддержке Российской гуманитарного научного фонда (проект № 12-04-14053 г.)

Научное издание

Печатается по решению Ученого совета НИИТИАГ РААСН

На издание открыта подписка по каталогу Роспечати. Подписной индекс 80728

Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»», 117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.
Формат 60×84/8. Тираж 400 экз. Печ. л. 38. Зак. №

Отпечатано в ООО «Галлея-Принт». 111024, г. Москва, 5-я Кабельная, 2Б.

ISSN 0320-0841

ISBN 978-5-397-04226-0

© Коллектив авторов, 2013

© НИИТИАГ РААСН, 2013

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ»,
оформление, 2013

14019 ID 173585

9 785397 042260

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельцев.